Николай КАЩЕЕВ,
начальник Центра анализа
и экспертизы, ПСБ

Судьбы мировой экономики в венесуэльском зеркале

В 1987 году ирландская звездная компания, крупнейший производитель картонной упаковки Smurfit Kappa (тогда она называлась несколько иначе, еще не было слияния двух упаковочных фирм), купила в Венесуэле компанию Cartòn de Venezuela, которая, несомненно, была профильным приобретением.

В 1987 году Венесуэла была привлекательным местом для инвестиций. Мало того что 54% территории страны и по сию пору заняты лесом — а Smurfit Kappa Group (SKG) строила полные производственные цепочки, от лесопилок до выпуска упаковки, особенно гофрокартона, — но и экономика, и социальная структура страны не вызывали тогда особых опасений. Инфляция и тогда была довольно высокой, но к 1987 году экономика росла темпами 4–5% в год, да и после некоторое время не отставала от группы ближайших аналогов: Аргентины, Чили, более бедной Колумбии и других.

Не отставала? ВВП по паритету покупательной способности рассчитывается различными способами, что в абсолютном выражении дает весьма разные результаты (World Bank, Penn tables, разные методы Медисона и т. п.), однако все они однозначно относили Венесуэлу к странам со средневысоким доходом, и она временами оказывалась по разным методикам то самой богатой страной на континенте, то второй — после лишь Аргентины.

По свидетельствам иностранцев, бывших в начале и середине 1980-х по делам бизнеса, как представители СМИ и по другим длительным поводам в Венесуэле, страна производила впечатление качеством своего человеческого капитала. Множество студентов училось за рубежом, культурные и деловые обмены были интенсивными, страна была открытой и старалась быть на хорошем счету у инвесторов.

И до сих пор законодательство Венесуэлы выглядит как благоприятное для внешних инвестиций, особенно если они помогают стране расширять экспорт. В стране по сию пору формально существуют открытые и особые экономические зоны (СЭЗ), пара так называемых открытых портов: все для развития экспорта, в том числе с участием иностранцев. Если бы не одно но: реальное

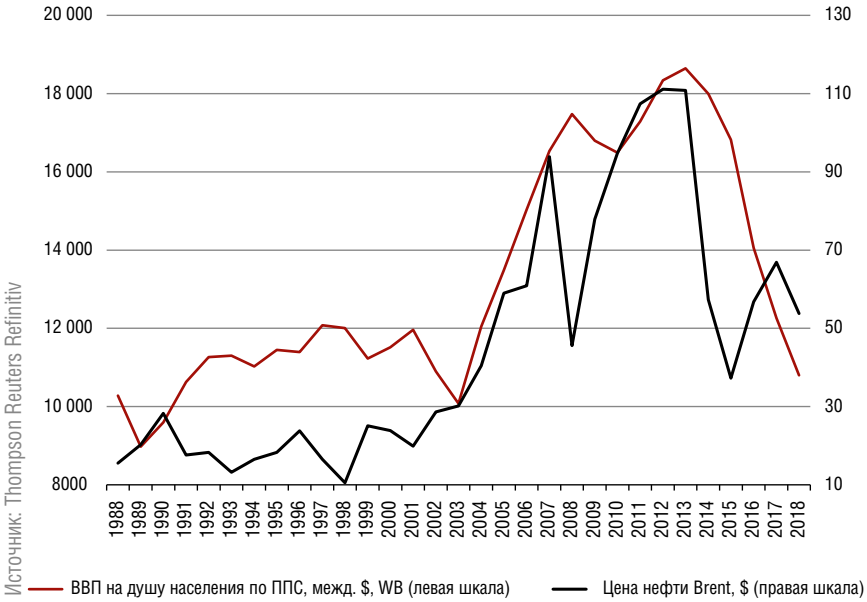


Рисунок 1
Венесуэла: ВВП на душу населения по ППС и цена нефти

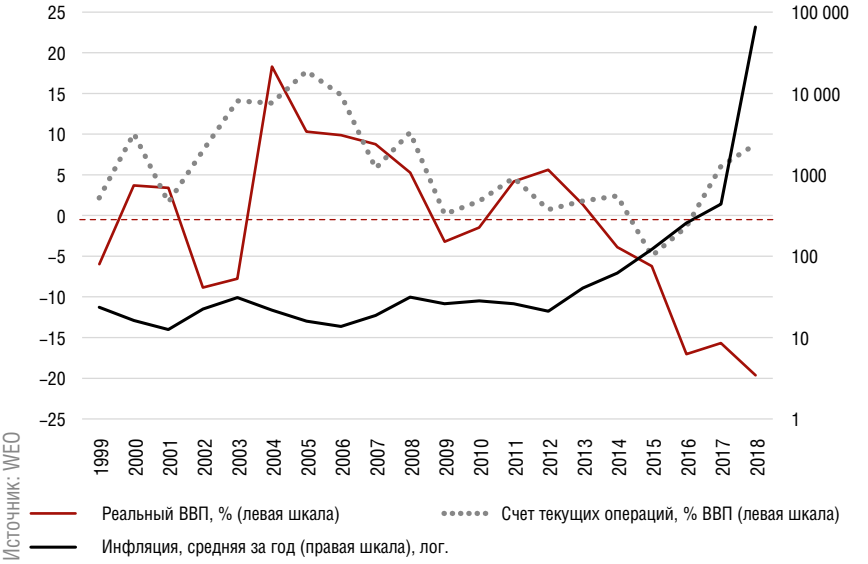
правоприменение отличается от формально предписанного. Примерно так же мы сегодня смотрим на старые фотографии из Кабула или Тегерана, где модные и вольно одетые дамы дефилируют по почти европейским улицам. Почти...

В 2018 году SKG имела более 90 предприятий в обеих Америках (более 260 — в Европе), сообщила о продажах на уровне около 9 млрд евро по всему миру, EBITDA — 1.5 млрд евро и, соответственно, EBITDA margin >17%. В этом же году SK Cartòn de Venezuela, которая еще в 2010 году производила до 70% всего объема венесуэльского гофрокартона и приносила материнской группе 7% EBIDTA, несмотря на прыжки обменного курса и гиперинфляцию, была деконсолидирована (исключена) из отчетности SKG. Ее результаты перестали фигурировать в отчетах холдинга.

Это произошло по очень простой причине: материнская компания утратила контроль над своей «дочкой». Cartòn de Venezuela была «временно» национализирована боливарианским правительством за то, что отказалась поставлять картон какой-то «стратегически значимой» госкомпании по производству соков: это было не что иное, как «акт саботажа», само собой, хотя есть подозрение, что условия поставок были, так сказать, сродни акту дарения. Кроме того, компания была наказана еще и за то, что как-то не так обращалась с рабочими. Рабочие, впрочем, пытались протестовать против решения боливарианской полевой юстиции, но двое менеджеров были арестованы, и теперь производство полностью развалено полномочными представителями заботливого (о некоторых из своих подданных) государства. Это — славный путь многих компаний в Венесуэле XXI века.

Надо заметить, что преемник полковника Уго Чавеса Николас Мадуро, бывший водитель автобуса, а ныне президент боливарианского государства, отличается от своего патрона куда большей откровенностью в действиях: взял — и забрал. Полковник Чавес, статистика времен которого не вызывает полного доверия, тем не менее еще как-то заботился о деловом климате в стране. Хотя с 2007 по 2010 год им были национализированы такие отрасли, как металлургия, телекоммуникации, электроэнергетика и ряд пищевых и прочих «стратегических» (для перманентной Боливарианской революции) бизнесов, большая часть из их бывших владельцев получила компенсации, многие из которых признаны инвесторами справедливыми. Например, компания Ternium SA со штаб-квартирой в оплоте imperialismo yanki получила при национализации за долю 60% в крупнейшей венесуэльской сталелитейной компании Sidor почти $2 млрд. Но Чавес-то мог себе такое позволить: цена нефти, на которую сейчас приходится более 90% венесуэльского экспорта (40% из которых еще недавно шли как раз в оплот империализма), в конце 2000-х была сами помните какой. А кто не помнит, то на пике — около $140 за баррель Brent.

Рисунок 2
Венесуэла: реальный ВВП, инфляция и счет текущих операций



Мадуро, начавший править с 2013 года, подобного уже не может. Мало того что цена нефти теперь не та, что при Чавесе, но и само ее производство в Боливарианской Республике упало в 4–5 раз против лучших времен, причем без всякого влияния ОПЕК. И это притом, что всякое прочее производство национализированной промышленности Венесуэлы уже просто несущественно: выпуск упомянутой выше стали теперь практически равен нулю. Потому Мадуро производства просто конфисковывает. Якобы «временно», но никто эту оговорку не воспринимает всерьез.

В 2018 году SKG списала инвестиции в Венесуэлу в объеме около 60 млн евро, что не особенно много по ее масштабам, и заявила при этом, что Cartòn de Venezuela приносила в последний год менее 1% EBIDTA группы; вспомним, что в 2010 году было порядка 7%.

Безусловно, экономика Венесуэлы была разрушена целенаправленно, институционально, путем проведения в жизнь популистской и националистической идеологии «суверенного боливарианского социализма», черпавшего идейную и моральную опору в режиме Кастро на Кубе. Притом довольно длительное время высокая цена нефти «перебивала» даже такие выкрутасы, как выборочная национализация, госрегулирование, гиперинфляция и множественность валютных курсов. Но затем все посыпалось, быстро и основательно.

Кстати, для Венесуэлы и до Чавеса была характерна чехарда с валютными режимами, но при президенте-полковнике она приняла гипертрофированные формы: официально вводились регулируемые курсы для выезжающих на учебу, для импортеров и так далее, затем режимы сменялись на более запутанные, реформировались, отменялись и вновь вводились. Все это время черный рынок распухал, девальвация двух официальных суверенных боливаров (как минимум двух) достигла тысяч процентов, как и инфляция. В итоге банковская система страны также пришла в упадок и даже вернулась в некоторых областях к наличным расчетам; хозяйственная жизнь упростилась и продолжает становиться все более примитивной.

Однако SKG не останавливала операции в стране с такими макроэкономическими перспективами и в 2010 году, за 3 года до смерти Чавеса, после основной волны национализаций, сама лишившись в ее ходе части лесных угодий. Пока ее просто грубо, по-боливариански, не выкинули из страны. В тот момент баланс рисков/выгоды оставался на стороне выгоды — благодаря нефтяной ренте. Но только на ней все и держалось. В 2010 году Венесуэла была на 175-м месте из 190 стран в рейтинге Ease of Doing Business Всемирного банка, в 2018 году — на 188-м, выше лишь Сомали и Эритреи.

Так почему такое случилось в стране с некогда «высоким качеством человеческого капитала» и в среднем высоким уровнем жизни? Ответ прост: потому что «в среднем». Это «усреднение» прошло в 1980-х в двух измерениях: во временном и в социальном. Во временном — потому что жизнь в Венесуэле, доходы населения ухудшались в течение второй половины 1980-х и особенно 1990-х. А в социальном — потому что к президентству Чавеса бедность выросла с примерно 40% до около 60% населения (или примерно 50% домохозяйств).

Но немаловажное значение имело вот что: венесуэльское общество не успело стать инклюзивным. Бедность — удел в основном индейской части населения, средний и высокий — креолов и приехавших позже европейцев. Если посмотреть на портреты президентов страны начиная с 1980-х годов, да и ранее, то практически все они имели европейские черты лица. Чавес, напротив, ярко выраженный индейский типаж, первый за много лет. Две старые партии, бенефициары стабилизационного соглашения 1950-х под названием Punto Fijo, которое по праву могло быть гордостью для латиноамериканской страны, где стабильность — редкий гость, оказались неспособны решить проблему эксклюзии: в итоге внешне демократический режим шел по пути ужесточения права и маргинализации бедных. А ведь, как стало понятно сейчас, страна была разделена по таким принципам примерно пополам!

Потому пришел Чавес, демагог, популист, латиноамериканский мечтатель о прокубинском равенстве, полковник и индеец. И вскоре вслед за ним явилась дорогая нефть. Прежде чем бедность достигла нынешних 86%, Чавес с помощью ренты сократил бедность домохозяйств вдвое, а экстремальную бедность — на 70%, примерно до 8% домохозяйств с 25%. Безработица упала вдвое. И тому подобное.

На этом фоне странным кажется лавинообразный рост преступности, но, как мне видится, он свидетельствует о понятном: равенство по Чавесу означало попустительство бедным. Сегодня преступность массово состоит в прочном союзе с режимом.

С падением нефти и хозяйственной разрухой за мечты не слишком грамотного полковника пришлось платить по полной почти всем. Ничего нового тут нет. А уроки боливарианской истории просты: непреодолимое или растущее неравенство и демонстративное игнорирование нужд многочисленных бедных или как-то иначе дискриминируемых слоев населения ведет к чавизму и в итоге долгосрочным очень плохим последствиям. Это справедливо и тогда, когда мы говорим о столь почему-то раздражающем многих у нас движении Black Lives Matter (BLM), и тогда, когда мы говорим о неравенстве в России, которая нынче попала в очень похожую на венесуэльскую ситуацию 1990-х годов.

Пара-тройка цитат Чавеса напоследок. Вот с какими идеями он разрушил даже такую рентную экономику, как венесуэльская:

«Я считаю, что в этой части света неолиберализм — это дорога в ад. Я не верю в тезис о «невидимой руке» рынка, которая все отрегулирует. Я предпочитаю называть ее волосатой рукой, которая наводит беспорядок».

«Дикий капитализм хочет, чтобы мы исчезли со сцены. Нет. Мы имеем право на существование. Мы имеем право установить наш собственный механизм регулирования и стимулировать прежде всего венесуэльское производство».

«...Неудивительно, если на Марсе была цивилизация. Но если предположить, что туда проник капитализм, что туда проник империализм, то это они покончили с этой планетой».